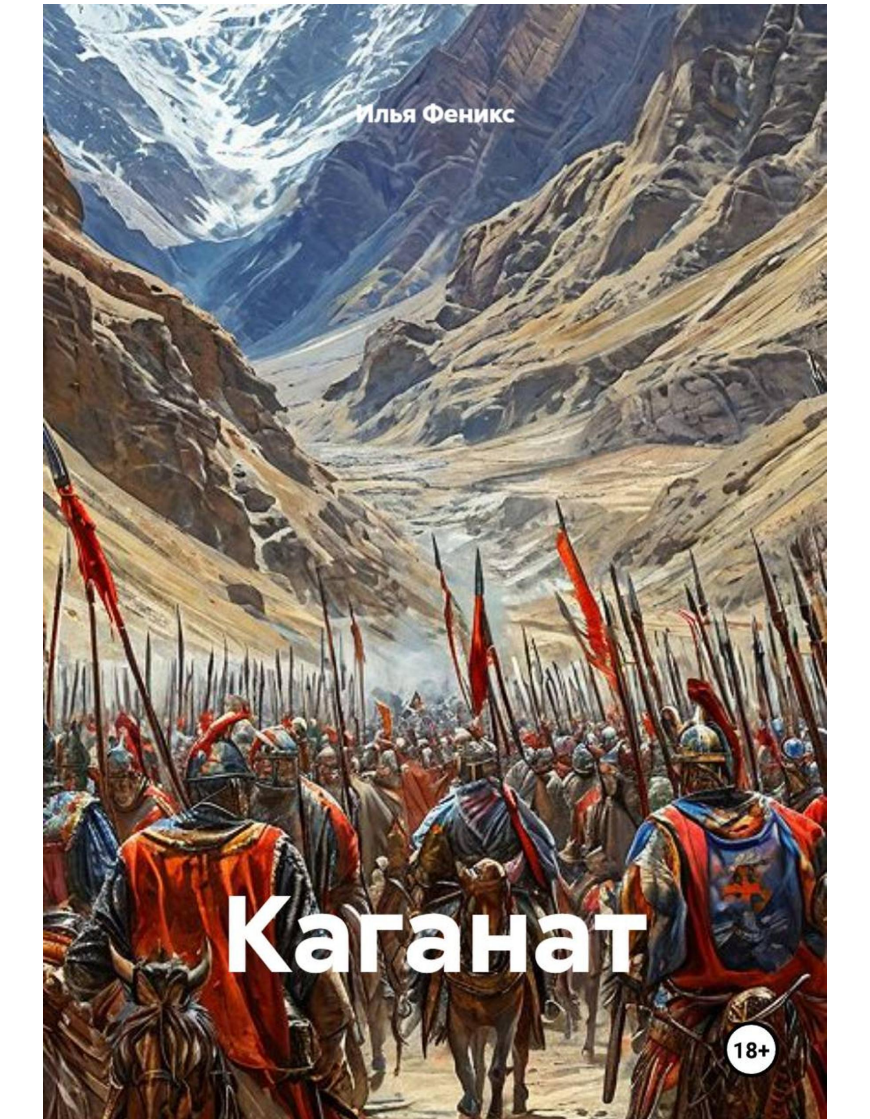

Илья Феникс

Каганат

18+

Илья Феникс

Каганат

<https://litres.ru/74250977>

SelfPub; 2026

Аннотация

Художественное описание падения Уйгурского Каганата в 9 веке нашей эры с нотками мистики.

С принятием новой веры - Манихейства, старые тенгрианские и степные обычаи уйгуров, киргизов, карлуков, монголов и прочих народов Великой Степи стали отходить на второй план, но, постепенно, нарастало всё больше и больше противоречий, что привело к уничтожению государства уйгуров армией киргизов и их союзников под предводительством великого Ажо-кагана.

Содержание

Пролог: Новый Рассвет	4
Часть 1: Гость из Согдианы. Глава 1: Каган	8
Глава 2: Деревня колдунов	17
Глава 3: Согдиец	26
Глава 4: Убийца Тигра	36
Глава 5: Язычники	45
Глава 6: Карабаш	58
Глава 7: Шёлковый заговор	71
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Илья Феникс

Каганат

Пролог: Новый Рассвет

Уйгурский Каганат, конец 8 века нашей эры

Каган Кутлуг взошёл на высокий деревянный помост, возвышавшийся над степями Уйгурии, покорившей множество кочевых народов. Священники-согдийцы в белых одеждах пели песни на странном непонятном языке, возводя к небу голоса, глаза и посохи, цитируя «Сокровищницу Жизни» пророка Мани. Вокруг стояло великое множество народа. Были здесь и знатные, и воины, и простой кочевой люд, и люд оседлый, а также просто любопытные, пришедшие посмотреть на то, как каган принимает новую веру пророка Мани и отказывается от веры в Бескрайнее Синее Небо.

Белые стены столицы каганата, Орду-Балыка, поднимались над степью неподалёку, символизируя о начале новой цивилизации и постепенному переходу от кочевого образа жизни к феодальной культуре по образу династии Тан и согдийских марзапанатов.

Когда первый луч восходящего солнца пал на стены горо-

да, Ямаг, или по-другому первосвященник, прибывший из самого Самарканда, поднял чашу с водой и вылил её на голову преклонившегося кагана.

- Клянёшься ли ты боле не почитать идолов? – спросил он Кутлуга.

- Клянусь, - ответил каган, шмыгнув носом от ледяной воды.

- Клянёшься ли ты не лгать, не стяжать, не прелюбодействовать, не убивать и не красть?

- Клянусь, - сказал каган громче, чтобы все его слышали.

- Клянёшься ли ты быть усердным, не обманывать, не иметь двух мнений и не учить магии?

- Клянусь!

Ямаг удовлетворённо кивнул и подал кагану кубок с водой и ритуальную чашку с рисом. Кутлуг залпом опрокинул чашку в рот, прожевал и затем запил водой.

- Принимаешь ли Мани как своего пророка? – спросил священник.

- Принимаю Мани как пророка своего! – ответил каган и поднялся на ноги во весь рост.

Двенадцать священников-манихеев у помоста запели во весь голос на персидском, цитируя слова пророка Мани:

Живой Параклет сошёл на меня и говорил со мной.

Он открыл мне скрытое таинство, которое было сокрыто от миров

И поколений,

Тайное учение о Глубине и Высоте.

Открыл он мне тайное учение о Свете и о Тьме,

И о Великом Сражении и Последней Войне...

Каган отряхнул колени, выпрямился и провозгласил, обращаясь к народу:

- Мы были невежественны в прошлом, поклонялись идолам и называли демона Буддой, теперь мы уже не повторим таких ошибок! Слава Мани!

- Слава Мани! Слава Мани! – повторили за ним Ямаг и священники.

Уйгурские воины начали стучать о землю копьями, ударять саблями о щиты и потрясать в воздухе луками, повторяя за своим каганом священные лозунги манихейства. Через несколько секунд десятки тысяч голосов уже приветствовали, по крайней мере на словах, обращение своего правителя в новую незнакомую веру.

- Жаль деда нет с нами, - тихо сказал сын кагана, 25-летний Кюлюг-Бильге, обращаясь к своему дяде Алп-Кутлугу. – Интересно, что бы он сказал на это...

- Такие слова опасны, юный принц, - ответил ему седовласый верховный маршал каганата. – Надеюсь, что в этом шуме их никто не услышал, кроме моих ушей.

Принц вздохнул и нервно сжал рукоять своего пчака (1) на поясе. Он никогда не был ревностным и воинственным

тенгрианином как его дед Ачдо-хан, которому удалось разгромить даже Тибетскую Империю, но и чужая вера из далёких краёв вызывала у него беспокойство и страх перед неизвестностью.

«Мой дед сплотил страну во время смуты и укрепил её, мой отец вводит новые порядки, а что смогу я? – подумал Кюлюг-Бильге. – Если я стану каганом, каким человеком я буду? В ком и где мне искать опору когда отца не станет?»

Немного поразмыслив, он отдал ответ на эти вопросы на плечи грядущего.

- Слава Мани! – слышалось отовсюду. – Слава Мани!

1. Пчак - традиционный кинжал уйгуров.

Часть 1: Гость из Согдианы. Глава 1: Каган

10 лет спустя, тронный зал Орду-Балька

Во дворце было очень шумно, особенно в тронном зале кагана, где собрались согдийские купцы, манихейские священники, а также главы знатных степных родов, в основном уйгурских. Сегодня должно было прибыть посольство от императора Тан, в котором он должен был дать ответ насчёт свадьбы с принцессой Тайхэ.

Пока посол был в дороге, каган Кюлюг-Бильге, занявший трон после смерти своего отца семь лет назад, решил выслушать новости о делах в каганате от своего канцлера, или поновому, астабадха Джуза из Орхона. Канцлер был одет в белые манихейские одежды, как и каган, у него были длинные и густые чёрные усы, а на голове был национальный головной убор уйгуров: шапка-топа с меховым околышем из редкого белого соболя.

- Великий Каган, имею честь представить вам новости о происходящем в стране! – громко сказал астабадх, привлекая внимание собравшихся.

- Говори, Джуз из Орхона, - разрешил Кюлюг-Бильге, а затем бросил быстрый взгляд на свою наложницу из знатного

киргизского рода Йилдыз, которая сидела на ступеньке ниже трона и перебирала чётки. Ему показалось, что она чем-то обеспокоена...

- Каган!

Кюлюг-Бильге слегка дёрнулся и кивнул, давая знак, что он слушает.

- Итак, - Джуз развернул свиток из китайской бумаги. – Киргизы озера Ханьхай (2) сопротивляются принятию новой веры, шаманы сеют смуту, а некоторые вожди негативно относятся к новой политике каганата по разделению населения на десятки для лучшего обращения в веру.

- Я почти не облагаю их налогом, а они бунтуют, - зло буркнул каган, ёрзая на троне. – Я даже взял к себе дочь их вождя в знак доброй воли, а они... Пошлите к ним сотню отборных воинов из Стражей Шёлкового Пути, чтобы они напомнили им о том, кто глава каганата и как нужно его слушаться.

Астабадх сделал пометку пером, а затем перешёл к следующей теме:

- В землях Иртыша, Саура и Джеменейки прошли ужасные ливни, озеро Жайсан вышло из берегов и затопило окрестные степи. Население, скот и посевы очень пострадали.

- Свет гневается на тех, кто отвергает его! – громко провозгласил Первосвященник Мар Абба, тощий от аскеты пожилой согдиец с тёмным лицом и подведёнными чёрным ка-

ними глазами. — Если Свет покарал жителей Иртыша и Саура, значит на то воля Мани, и там было много Тьмы!

Астабадх неловко переступил с ноги на ногу в своих мягких кожаных сапогах, не зная что сказать.

- Я не сомневаюсь в воле Света, - сказал каган. — Но делом Света будет также отправить жителям Иртыша и окрестных провинций помощь. И, если нужно, и с их согласия, они будут переселены поближе к сердцу каганата.

Первосвященник сощурился, но ничего не сказал: несмотря на клятвы, эти дикари всё ещё допускали двойное мнение насчёт святых догматов...

Джуз сделал себе пометку, а затем его тон стал серьёзнее: - Карлуки Таласа, Баласагуна и Барскауна спрашивают кагана: зачем он отвёл свои войска из пограничных гарнизонов в Чаче, Таласе и Баласагуне? Шах Ферганы и эмир Самарканда начали подозрительные передвижения войск в Уструшане и Хайламе, и есть подозрения что они могут потревожить поселения и кочевья карлуков в этом регионе.

- Я же сказал им, что у меня договор с Халифатом, - ответил на это Кюлюг-Бильге. - Теперь эти крепости принадлежат Аббасидам и их вассалам. Если эти земли стали опасными для карлуков, то пусть откочёвывают куда-то подальше от арабов. Теперь это их проблема...

- Свет их защитит, если на то будет воля Мани... - подала голос Йилдыз, выглянув из-под закрывающей её лицо тонкой и прозрачной белой ткани.

- Они язычники и знают только Тьму! – стукнул посохом об пол Мар Абба, и другие Избранные одобрительно постукали своими посохами в ответ и загалдели.

- Тишина, пока идёт доклад! Тишина! – громко стукнул своим копьём об пол верховный маршал, или по-новому эранский спахбед, генерал Паньгуань, по прозвищу Ху Ша-шоу, или Убийца Тигра.

Дождавшись относительной тишины, каган спросил астабадха:

Есть ли новости от енисейских (3) киргизов и хантов нярыма?

- Енисейские киргизы прислали дань пушниной, скотом, лошадьми и несколькими десятками отборных воинов для службы кагану. Но и у них есть вопросы насчёт миссионерской деятельности, которую далеко не все одобряют...

- Свет разгонит Тьму, - сказал Кюлюг-Бильге. – Если они не бунтуют, а лишь ворчат, то пошлите к ним больше миссионеров.

- Сам Мани вложил эти слова в ваши уста! – одобрительно заметил Первосвященник. – Я немедленно займусь подготовкой новой миссии!

Не дожидаясь слов кагана, Первосвященник покинул своё место по правую руку от правителя и быстрыми шагами вышел из тронного зала, вслед за ним потянулись остальные Избранные.

Каган облегчённо вздохнул про себя: не придётся вести

религиозные речи перед китайским послом, когда тот наконец прибудет.

- Ханты прислали дань шкурами и мехом, и лишний раз подтвердили свою готовность жить в вечном мире с нашими людьми. Это всё на сегодня, - закончил свой доклад астабадх.

- А что насчёт отюкенских монголов? – спросил Кюлюг-Бильге.

Джуз прошёлся взглядом по тексту ещё раз.

- Никаких новостей оттуда не поступало. Впрочем, в прошлый раз они отправили двойную дань после удачного набег на соседей...

- Хорошо, можешь идти...

Астабадх кивнул и вышел из зала, повисла неловкая тишина. Один из согдийцев решился выйти на синюю ковровую дорожку и произнёс с большим почтением:

- Великий Каган, от лица торговцев Согдианы, просим вас выслушать нашу нижайшую просьбу и обращение...

Кюлюг-Бильге кивнул и дал знак говорить. Торговец поклонился ещё раз и, тщательно подбирая слова, начал:

- Провинции вокруг озера Лобнор у предгорий Тибета до сих пор не восстановились после войны вашего деда Ачдо-хана против императора Тибета, Цэнпо Пургьяла Гэлу, торговля идёт с большим скрипом, и... - он оглянулся на толпу согдийцев, взглядом ища поддержки, - и поэтому мы просим вас пересмотреть старые торговые договора с учётом уменьшения пошлин и процентов по налогу с дохода...

- Ты можешь говорить громче?! – раздражённо буркнул каган. – Ничего не понял из того, что ты сказал.

- Ну... - замялся согдиец, но его прервали.

- Посол Танской Империи, Ли Чэн, с подарками и ответом на свадебный вопрос! – громко провозгласил вошедший в тронный зал герольд.

Каган махнул рукой в сторону, давая знать торговцу, что сейчас не до него. Тот едва успел отпрыгнуть в сторону, пропуская китайских гвардейцев, сопровождавших пышную богатую процессию посла, пришедшего с множеством танцовщиц, музыкантов и носильщиков подарков.

Впереди процессии шёл сам посол Ли Чэн, одетый в богатую форму китайского чиновника времён династии Тан: красный шёлковый халат с орнаментом в виде золотого дракона, называемый «чаофу», подпоясанный кожаным ремнём с золотой бляшкой с нефритовыми вставками. На голове у него была чёрная шапочка с длинными ушками – убянь – эти шапочки всегда казались кагану очень забавными. На ногах же у него были белые шёлковые штаны – куси, а также чёрные сапоги из дорогой кожи.

- Сыту (4) Ли Чэн, гун (5) Цзюцюаня, троюродный дядя Сына Неба Сянь-цзуна! – объявил вышедший слева от посла сопровождавший его герольд, когда музыка затихла.

- Для меня честь встретиться с ваном уйгуров, - сказал посол на уйгурском, слегка склонив голову и приложив руку к сердцу. – Ваша слава гремит по всей Поднебесной...

- Уйгурский *Каган* приветствует посла Танской Империи, - делая акцент на втором слове, сказал Кюлюг-Бильге, прямо глядя на посла. — Надеюсь, ты принёс хорошие вести?

"Назвали меня «ваном»? — подумал каган. — Я не ваш наместник!"(6)

- Сын Неба слёт вам дары, музыкантов и танцовщиц, дабы усладить вашш царственный взорь и слюх... - уклончиво сказал Ли Чэн. — Также, он вновь завирует васс в дружбе между нашими народами и нашими правителями...

Посол так сильно коверкал слова от волнения, что каган не выдержал:

- *Твой уйгурский ужасен, я могу говорить на твоём языке,* - сказал он по-китайски.

- *Но тогда нас не поймут здесь присутствующие...* - неловко возразил посол, указывая пальцами на людей в тронном зале.

- Дары — это хорошо, - громко сказал Кюлюг-Бильге, - но нам больше интересна свадьба с обещанной нам принцессой Тайхэ. И, посол, не волнуйтесь, мы с вами здесь друзья.

Сыту сглотнул, улыбнулся и, набравшись смелости, произнёс:

- Сын Неба Сянь-цзун очень сожалеет, но вынужден отказать вам в вашей просьбе о свадьбе с его царственной сестрой, так как казна в текущее время не имеет средств на подобные мероприятия... Но не исключает такой возможности в будущем...

Каган сжал руки в кулаки и ударил по подлокотникам трона:

- Это было обещано уже давно! – вскричал он. – Долго ли китайцы будут кормить нас своими обещаниями?!

- Сын Неба очень сожалеет... - повторил Ли Чэн, низко кланяясь и дрожа от страха. – Примите наши скромные дары и дождитесь благоприятной абстаноффи...

- Вон! – крикнул Кюлюг-Бильге. – Оставляй тут свои дары и убирайся обратно к своему императору! И передай ему, что если волку не дают зайца, то волк сам за ним придёт!

Проливая слёзы, сыту в ужасе склонился и попятился назад, давая знак своим людям выйти из зала, уйдя после этого последним и ещё раз поклонившись.

После того, как за танским послем захлопнулись двери, каган подпёр кулаком подбородок, зло вздохнул и обратился к стоявшему рядом эранскому спяхбеду Паньгуаню:

- Как думаешь, он сказал правду?

- Я слышал, что император очень занят борьбой с военными наместниками, - ответил генерал, задумчиво крутя в руке длинный седой ус. – Когда я ещё был младшим офицером у одного из цзедуши (7), они уже тогда плевали в сторону Чанъаня (8).

- Значит... - медленно проговорил каган, - мы не встретим особого сопротивления, если я решу преподать танскому владыке урок о том, что нужно соблюдать свои клятвы и обещания?

- Вероятность успеха довольно велика, - кивнул Убийца Тигра. – Я свяжусь с генерал-губернатором Сиюя, Го Синем, чтобы он послал только номинальные силы для отпора. Он мой старый сослуживец и не должен отказать...

2. Байкал (китайск.)

3. Тюркское название реки – «Кем», но я оставил современное название для удобства читателя.

4. Сыту – один из высших чиновничьих рангов времён династии Тан.

5. Гун – землевладельческий и военный ранг, примерно равный феодальному герцогу.

6. Ван – один из высших рангов, равный по правам королевскому. Обычно давался главам союзных или вассальных племён. Хотя в отсутствие императорской власти крупные землевладельцы могли объявить себя настоящими ванами-царями.

7. Военные губернаторы, набравшие большую силу при Поздней Тан из-за ослабления центральной власти.

8. Столица династии Тан, находившаяся на западе Китая.

Глава 2: Деревня колдунов

Подготовка рейда на Тан продлилась три месяца, чтобы китайцы почувствовали себя в относительной безопасности, думая, что каган уйгуров блефует.

Наконец, в октябре 806 года трёхтысячный отряд, состоявший из 2800 уйгурских багатуров и двухсот Стражей Шёлкового Пути, элитных наёмных воинов, сражавшихся от Чанъаня до Багдада, выдвинулся на юг из Орду-Балыка, беря курс на китайскую провинцию Аньси.

Пройдя через провинции Тэргун-Богд, Адж-Богд и Джу-ян, в начале ноября они огненным вихрем прорвались через слабо охраняемую китайскую пограничную заставу во главе с самим каганом, сея смерть и опустошение на своём пути.

Уйгуры забирали всё ценное, сжигая всё, что не было защищено стенами, а немногочисленные китайские солдаты разбегались прочь кто куда под защиту каменных стен гарнизонов, и население бежало за ними. Степные воины не преследовали их, занявшись поиском добычи. Затем каган приказал выдвигаться восточнее, в Цзюцюань, где они разграбили и сожгли резиденцию Ли Чэна, уведя в плен множество китайских и согдийских женщин и образованных слуг. Причём почти никто из солдат Орду-Балыка не погиб.

Наконец, Паньгуань сказал кагану, что они слишком увлеклись, и что время, выделенное им генерал-губернато-

ром, истекает.

— Ну, хорошо, — сказал Кюлюг-Бильге. — Грузите добычу и пленных на телеги, возвращаемся домой.

Во время отхода внезапно началась ужасная метель, и каган вместе с гвардией Шёлкового Пути потеряли свой отряд из виду, решив проверить что ещё есть на востоке.

— Мы погибнем, если пойдём на север! — крикнул эранский спахбед, пытаясь перекричать завывающий ветер. — Нужно спрятаться в горах! — он указал на возвышающиеся позади тибетские хребты.

— А если там засада?! — крикнул в ответ каган.

— Выбора у нас нет! — что есть силы прокричал Паньгуань.

Уйгурскому кагану не понравилась идея лезть через тангутские перевалы и искать там пещеры или поселения для ночлега, но если бы они остались в степи, то их бы просто замело снегом по самые уши.

— Ладно! — согласился Кюлюг-Бильге. — Спрячемся в горах!

Через час или два им удалось отыскать надёжную тропу, которая вела в тибетские горы. Каган рассчитывал поймать какого-нибудь местного жителя и заставить его отвести их в безопасное место, но, как назло, вокруг не было видно ни души. Верхом на выносливых арабских скакунах, подаренных мудрым халифом Аббасидов Харуном ар-Рашидом в знак мира, уйгурский отряд продвигался вперёд по горной тропе,

прижимаясь к отвесным скалам, защищавшим их от бури.

Наконец, один из персов, входивших в гвардию кагана, отправился вперёд на разведку и притащил с собой низкорослого охотника из тангутов, сжимавшего маленький лук и с колчаном стрел на поясе.

— Где тут ближайшее поселение? — спросил у него каган на китайском.

Тангут взглянул на кагана исподлобья, подумал несколько секунд и сказал на ломаном китайском:

— Здесь есть рядом деревня. Я вести, вы отпустить. Договориться?

— Договориться, — кивнул Кюлюг-Бильге. — Веди. Но если это ловушка, то ты умрёшь очень мучительно.

Тангут повёл их дальше по тропе, сворачивая то вправо, то влево в неприметные проходы, куда с трудом протискивался всадник на лошади. По мере продвижения метель начала внезапно стихать, пока наконец не превратилась просто в ветер с густыми снежными хлопьями. Затем впереди показалась развилка, а над скалой за ней за клубилось несколько столбов дыма. На развилке посередине стоял столб, украшенный перьями и черепами.

— Идти налево вы, — остановившись перед развилкой, сказал тангут, поворачиваясь к кагану. — Я дальше не идти. Плохое место. Но место с домами и едой.

— Ты обещал довести нас до поселения, а сам хочешь бежать? — с подозрением спросил Паньгуань.

— Я дальше не идти, — упрямо повторил охотник.

Каган подъехал к нему на своём вороном скакуне, стоявшим в целом состоянии и покрытым синей тканью с золотыми нитями по краям.

— Значит, ты дальше не идти? — деланно-равнодушно спросил каган.

— Истина, — ответил тангут, переминаясь с ноги на ногу.

Кюлюг-Бильге резко наклонился, схватил тангута за шею, а потом выкинул его в пропасть, словно нашкодившую кошку. Крик охотника быстро потонул в вое ветра.

— Посмотрим, что за деревня такая, — сказал каган. — Айя! — он пришпорил своего скакуна и поскакал вперёд.

Проход показался довольно быстро. Каган и его гвардейцы свернули вправо и оказались на широком плато, где быстро отыскивали проторенную дорогу к тангутским шатрам из выдубленной кожи, видневшимся впереди.

Добравшись до домов тангутов, они узрели непривычную картину: шатры были обложены звериными костями и черепами. На хилых деревцах висели мешочки с резко пахнущими травами, перебивавшими запах дыма и какого-то странного мяса. На стенах шатров были рисунки, но не охрой, а чем-то похожим на засохшую кровь: сцены охоты людей со звериными головами на животных с человеческими чертами лица. Повсюду слышалось странное гортанное пение в низких тонах.

— Это не поселение, — пробормотал Паньгуань. — Это

гнездо.

— Не мели чепухи, — отмахнулся каган.

Отряд вышли встречать татуированные старухи в мешковатой одежде. Странные чёрные линии, похожие на змей, спускались и поднимались по их оголённым рукам и ногам. В лица некоторых были вставлены костяные иглы, а глаза — подведены чёрным.

— *Ньи мбый лху вэ?* — неприветливо спросила самая старая из них, один её глаз был уже совсем белый, а дрожащие руки цеплялись за деревянный посох с черепом маленького животного на навершии.

— *Китай? Уйгур?* — спросил каган на разных языках.

Старуха повернулась в сторону более молодой спутницы, очень худой женщины лет пятидесяти с короткими чёрными волосами и костяными серёжками в ушах.

— Вы — есть кто? — спросила она на китайском.

— Путники, что потерялись и ищут укрытие, — ответил Кюлюг-Бильге.

— Здесь укрытие нет, — сказала тангутка. — Уходить далеко.

Каган переглянулся с эранским спахбедом и сказал, положив руку на рукоять сабли:

— Мы только переждём бурю, отдохнём и уйдём. Мы можем заплатить.

Тангутка перевела его речь своей древней спутнице. Та громко и страшно расхохоталась в лицо воинам.

— Ха-ха-ха-ха! Мэ! Мэ-э! Ньи мбый джэя джий!(1) — она подняла трясущуюся руку и протянула в сторону отряда кагана похожий на коготь морщинистый указательный палец. — Кый нгвэ мый сье зыи!(2)

Старухи мгновенно отступили назад, а из шатров высыпали страшные люди с костяными ритуальными ножами и копьями и набросились на отряд Кюлюга-Бильге словно стая древних демонов.

Их натиск был внезапен: они прыгали на воинов, повисали на лошадях и выкрикивали что-то невразумительное. Откуда-то полетели стрелы с костяными наконечниками, кто-то из воинов закричал от боли — нож тангута торчал у него из глазницы, кровь пролилась на снежную равнину.

— Йаму! — кричали тангуты, нанося удары. — Йаму! Йаму! Ньэ ньи мбый шый кый!(3) — последнюю фразу они произносили словно одно слово.

Их костяные ножи и стрелы не могли пробить железные кольчуги и шлемы уйгуров, арабов и персов или стальные пластины на груди Паньгуаня, но всё же двадцать гвардейцев пали замертво в первые минуты, пока отряд не сгруппировался вокруг кагана и не поднял щиты и копья, защищая правителя.

Дальше началась методичная работа по зачистке поселения, давно знакомая Стражам Шёлкового Пути. Их копья и луки работали непрерывно, пока не осталось никого. Песни и крики странных тангутов затихли, и только снег мягко ло-

жился на окровавленные камни.

— Ух! — Убийца Тигра вытащил свой меч из груди низкорослого тангута в меховом плаще и с костью в носу. — Грязный был бой, и очень нечестный.

— Посмотри на них, Паньгуань, — сказал каган, вытирая свою саблю шёлковым красным платком. — Никто из них не дал бы тебе честный бой.

— Знаете, что самое странное, мой каган? — сказал эранский спахбед, осматривая побоище. — Здесь нет ни одного ребёнка.

— Может быть, дети остались в домах? — предположил один из гвардейцев, тот самый, что поймал охотника.

— О, Мани, они все такие низкорослые, — скривился Кюлюг-Бильге, спешиваясь. — Может быть, дети среди них тоже есть, только не разобрать уже кто есть кто...

Он велел воинам разойтись по шатрам и поискать там горячую еду и выживших, а сам отправился вперёд, где был виден старый каменный алтарь. Это был большой плоский камень, на котором лежали череп волка, семена и перья, а также стояли чашки с дымищимися травами.

Там же он нашёл и выжившую. Древнюю старуху, которая пела:

— Кый лху ный(4) , Йаму! Кый лху ный, Йаму! Кый лху ный, Йаму!

Она повторяла это снова и снова, кланяясь алтарю и поднимая к темнеющему небу узловатые руки с костяными

браслетами. На её ладонях виднелись чёрные семизавитные спирали, соединённые с остальным рисунком на руках толстой чёрной линией на запястьях.

— Эй! — окрикнул её Кюлюг-Бильге на китайском. — Есть ещё люди в поселении?

Словно не слыша его, старуха продолжала свою молитву, став кланяться всё быстрее и быстрее. Раздражённый, каган снёс ей голову саблей, а затем увидел, что перед ней на алтаре лежала обнажённая девочка или низкорослая девушка с такими же татуировками, что и у убитой.

Когда кровь из отрубленной шеи брызнула на лицо девочки и когда каган потянулся к ней рукой, она вдруг резко открыла глаза, пронзив уйгура взглядом абсолютно синих глаз до глубины души.

Каган закрыл глаза и помотал головой: таких глаз у тибетцев или тюрок точно не может быть.

Вновь открыв глаза, он увидел, что девочка плачет и тянет к нему руки:

— Ми-ми! Ми-ми! — повторяла она, а её глаза были цвета светлого янтаря со слегка вытянутыми зрачками, словно у кошки или змейки.

«Так я и думал, — облегчённо вздохнул каган про себя. — Я, наверное, слишком устал за сегодня...»

Он взял девочку или девушку (он точно не знал) на руки, а затем отнёс её в один из домов, дал ей взятый у одного из гвардейцев кумыс, чтобы она согрелась, а затем положил

на меховую лежанку и накрыл тёплой от горевшего внутри костра шкурой. Она быстро уснула, свернувшись клубочком словно котёнок.

Предстояла долгая ночь и долгая дорога.

1 — Да! Да! Вы заплатите! (тангутск.)

2 — Убить их всех! (тангутск.)

3 — Тебе даём эту жертву! (тангутск.)

4 — Усни, засыпай (тангутск.)

Глава 3: Согдиец

Восемь месяцев спустя, у западных ворот Орду-Балыка

В начале июня 807 года к западным вратам столицы уйгуров подошёл молодой человек с кудрявыми русыми волосами, пышной бородой и подведённым чёрным голубыми глазами. Он был одет в одежды согдийского купца, на голове у него была белая чалма, через плечо висела сумка со свитками, а за спиной была сума с вещами.

Он бросил взгляд на ворота города: они были из выбеленного камня, хорошо укреплены, по верху туда-сюда ходили стражники в белом и синем, а по двум углам ворот наверху развевались флаги: золотой крест внутри золотого круга на белом фоне — символ манихейской религии. Очертания креста напомнили ему символ зороастризма: царского орла Фаравахара. Над крестом вне круга также был золотой полумесяц рогами вверх — символ уйгурского рода.

Набравшись смелости, он последовал за торговым караваном внутрь города.

— Стой! — крикнул ему один из стражников.

Внутри у согдийца всё замерло, он медленно повернулся к уйгуру, думая что его сейчас будут досматривать в рамках выборочной проверки, а этого нельзя было допустить, так как в его суме был дорогой контрабандный шёлк, на выручку с продажи которого он планировал снять жильё и питаться

первое время.

— Идёшь по торговым делам, купец? Как тебя зовут? — поинтересовался стражник.

— Верно... — согдиец неловко улыбнулся. — Меня зовут Вахуш. Хочу заключить новый торговый договор с каганом...

— Хорошо, сейчас столице очень нужны деньги, — стражник кивнул в сторону города, который был покрыт множеством строительных лесов. — Зимой случилась ужасная буря и даже гроза, многие здания пострадали.

— Гроза зимой? — поднял брови молодой человек. — Маловероятно, но не невозможно...

Солдат кивнул и дал знак копьём, что он может идти.

— Удачной тебе торговли, Вахуш! — крикнул он юноше вслед.

— Спасибо! — с облегчением помахал рукой тот.

Сказать по правде, он не был купцом, но пришёл устроиться счетоводом во дворец кагана по совету одного из своих знакомых из ордена герметистов, изучавших небо, звёзды, алхимию, астрономию, астрологию и теургию, а также медицину. Он состоял в нём уже около семи лет и недавно даже был поднят с Новуса до Посвящённого благодаря одному из своих трактатов о движении небесных тел, одобренному четырьмя членами коллегии из пяти.

Пятым, не принявшим его работу, был брат Абдул-Малик из Мавераннахра, который всегда относился к его работам

чересчур дотошно и был одним из старейших членов местного отделения ордена. Хотя Вахуш всегда считал его ворчливым придирчивым стариком, который сам не знает, чего хочет от учеников.

Удачно продав шёлк у контрабандиста, связанного с орденом, он снял небольшую комнату в гостинице, разложил там свои вещи, спрятал под постелью свитки и ингредиенты для зелий и теургических ритуалов и стал ждать подходящего момента, когда каган объявит о свободном посещении его тронного зала для всех желающих, дабы услышать о проблемах народа и решить какие-нибудь мелкие судебные дела.

Ему не пришлось долго ждать: примерно через месяц, в середине июля, каган объявил о свободном посещении дворца. За это время Вахуш успел освоиться в городе, посмотреть купеческий и храмовый кварталы, а также сделать первые черновые наброски структуры Магнум Опуса, монументальной научной работы, которая была нужна, чтобы стать Магистром или даже Магусом местного отделения герметистов. Конечно, он несколько спешил, так как для сдачи такой работы могли потребоваться целые десятилетия, но его живой кипучий ум не мог просто сидеть без дела в ожидании.

Собрав утром все необходимые для посещения и принятия на работу документы и вещи, Вахуш отправился во дворец вместе с процессией купцов, просильщиков, крестьян, священников и таких же соискателей, как и он.

Пройдя через каменную арку, разукрашенную синими и

серебряными узорами, он пошёл вслед за толпой, почти нигде не сворачивая, пока не добрался до тронного зала, где уже восседал каган в белоснежных одеждах. По правую руку от него стояла хатун Тайхэ, китайская принцесса, старшая сестра императора Тан, ради которой ему пришлось немало потратиться и постараться.

Уйгурский каган построил для неё целый дворец для приёма посольств, назначил ей охрану и собрал множество подарков. Перед свадьбой Тайхэ получила титул Жэнь-сяо-дуаньли-минчжи-шаншоу-кэдунь и её отправили к Кюлю-гу-Бильге с пышной процессией. За 50 километров до столицы каган пожелал видеть принцессу, но ему отказали.

По прибытии царевны началась церемония: каган сел на площади у врат дворца в церемониальной юрте лицом к востоку. У ворот города стояла большая юрта для наречённой и ещё несколько поменьше для членов посольства. Из большой юрты вынесли паланкин с принцессой и пронесли его по главной улице города до площади. Затем из паланкина вышла Тайхэ, которая успела переодеться в уйгурскую одежду: красный кафтан, короткое синее платье, головной убор спереди и сзади острый. Она поклонилась кагану и вернулась в паланкин. Девять министров взяли носилки и девять раз по солнцу обнесли их вокруг площади под торжественную музыку. Тайхэ вышла из носилок и села рядом с каганом, уйгуры приветствовали её и желали счастья молодым. Затем она поставила свою юрту рядом с юртой кагана.

Когда посольство собралось в обратный путь, было приказано устроить щедрый пир для всех. Тайхэ горько плакала, прощаясь с родными, а Кюлюг-Бильге повелел богато одарить послов.

Тем временем, в китайском Хэбэе восстали цзедуши, и каган послал спяхбеда Ли Ицзе с 2000 воинов на помощь императору. В Ордосе императорские чиновники остановили уйгуров и, щедро их одарив, сказали им возвратиться, так как боялись впускать уйгуров в Китай, памятуя разграбление Аньси и Цзюцюаня.

Тайхэ была очень высокой для китайки, ей недавно исполнилось тридцать четыре года, у неё была длинная белая шея, красивый макияж и блестящие чёрные волосы, заплетённые в хитроумного вида причёску со множеством заколок. Она была одета в чёрное с белым платье, на запястьях у неё были золотые браслеты с рубинами, а на правой руке — кольцо с огромным драгоценным нефритом.

На коленях кагана сидела его любимая наложница, тангутка Ми-Ми, по прозвищу Пишак, или Котёнок, которую он взял в походе и приблизил к себе после того, как его предыдущая наложница, дочь киргизского вождя Йилдыз, умерла от страха во время зимней бури. На тангутке было белое сари с синим низом, украшенным рисунками белого и чёрного барсов, которые чередовались друг с другом белыми и чёрными точками, а голова девушки была покрыта прозрачной белой тканью.

Вахуш также заметил на ней шёлковые белые перчатки, скрывавшие тонкие маленькие ручки.

Дождавшись ближе к полудню небольшой паузы после мелкого судебного дела о наследстве между крестьянскими семьями, Вахуш смело вышел вперёд и встал перед каганом.

— Ты что-то хотел сказать, согдиец? — спросил каган. — У тебя, кстати, довольно необычная внешность.

— Отец купил мою мать на невольничьем рынке в Самаре, у болгар.

— Самар? — поднял бровь каган.

— Булгарский торговый пост на берегу реки, которую славяне называют Волгой.

— А... Так ты — сын рабыни? — нахмурился Кюлюг-Бильге.

— Нет, она вышла замуж за моего отца и родила уже после того, как он сделал её свободной женщиной, — мягко возразил Вахуш, кланяясь.

— Хм-м... Так как, говоришь, тебя зовут? И сколько тебе лет?

— Меня зовут Вахуш, мне двадцать пять лет, и я могу посчитать всё на свете. Также я сведущ в астрономии, медицине....

— Астрологии? — сдвинул брови каган. — Мани не поощряет гадателей, астрологов и прорицателей.

— Нет-нет, — поднял ладони Вахуш. — Астрономии. Наука о движении небесных тел.

— И зачем ты пришёл сюда?

— Мне сказали, что во дворец требуется хороший счетовод, поэтому я здесь.

— Хм-м, да, ты прав... У тебя здесь есть знакомые?

— Да, один из ваших счетоводов, Исмаил аль-Фахр, мы учились с ним вместе на моей родине в Хотане.

— У него такая смешная борода! — внезапно хихикнула Ми-Ми, соскочив с коленей кагана и подбежав к Вахушу. — Сбрей! Ты похож на девушку, которая ходит на руках!

Каган расхохотался, а хатун вздохнула и тоже сошла вниз по ступенькам.

— Значит, говоришь, ты можешь посчитать всё на свете? — спросила она глядя на замаявшегося согдийца сверху вниз.

— Да, госпожа, — низко склонился согдиец.

— Тогда вот тебе задачка: у меня есть 1500 овец, как распределить их по 30 амбарам?

Вахуш поразмыслил несколько секунд, а потом сказал:

— А зачем посылать овец в амбары, когда их нужно отправлять в загоны для скота? Амбары не для этого.

Хатун довольно улыбнулась и сказала что-то одобрительное на китайском.

— Это была задача на логику, а не на счёт, не так ли? — с улыбкой спросил Вахуш.

— Да, ты молодец, — подняла брови Тайхэ. — Другой бы ответил не думая, — она обернулась и посмотрела на мужа с намёком.

— Возьми его, Кюльги! — подбежала к кагану Ми-Ми. — Он нам хорошо послужит!

— Ха-ха-ха! — довольно рассмеялся каган. — Так и быть! Ты принят, с испытательным сроком! — он поднял указательный палец. — Мой стражник проводит тебя в контору Исмаила. Можешь идти.

— Благодарю, Великий Каган, — низко склонил голову Вахуш.

Крепкого телосложения уйгур с железным копьём и в кольчуге повёл его вправо по коридору, отделанного белым камнем. На стенах коридора висели флаги с манихейским крестом и уйгурским полумесяцем, а также гобелены с фигурами знати, вручающей жрецам дары, что означало «царь и религия едины». Были там и фрески с изображениями Мани и его деяний, обрамлённые орнаментом на лotosовые мотивы.

— Веруешь ли ты в пророка нашего Мани, согдиец? — спросил внезапно стражник по дороге.

— Я уважаю всех святых людей и пророков прошлого, — ответил Вахуш. — Но сам я не отношу себя к какой-либо религии и не задумывался об этом...

— Побудешь здесь подольше — проникнешься, — сказал стражник, проводя его мимо снующих туда-сюда слуг и священников. — Скоро все народы Великой Степи примут Светлую Веру, это неизбежно...

— Вы говорите как священник, а не как солдат, — заме-

тил Вахуш.

— Я задумывался о карьере в святом братстве, но пока не решался спросить, — серьёзно ответил стражник. — Там одни чужеземцы, и мне будет очень неловко от этого... Быть может, меня возьмут хотя бы дидаскалосом.

— Кем?

— Миссионером, — пояснил уйгур, подводя его к двери конторы. — Ну, удачи тебе, согдиец! — он отсалютовал копьём и пошёл по своим делам.

За дверью Вахуш нашёл Исмаила, который сидел, заваленный множеством бумажных и пергаментных свитков так, что его сложно было заметить. На столе у него стояли маленькие медные весы и чернильные принадлежности.

— О, брат Вахуш, ты уже здесь! — высунул нос из-под груды пергамента Исмаил. — Тебя так быстро взяли!

— Я не терял зря времени, брат аль-Фахр, — с улыбкой ответил Вахуш, осматриваясь. — Да, гляжу, работы через край.

— И будет ещё больше! — Исмаил встал из-за стола и отряхнул свою белую с коричневым одежду от пыли. Затем он увидел на рукавах пятна от чернил и запричитал от досады на арабском.

— Ещё больше? — спросил согдиец, кладя на ближайший стул свою сумку.

— Да-а, сегодня вечером будет пир в честь хатун и кагана, четыре месяца их свадьбы, а завтра мы с тобой отправимся

на северо-запад, в земли киргизов, чтобы посчитать население и то, сколько из них уже приняло новую уйгурскую веру. Один из Избранных также отправится с нами для сопровождения. Так что приведи дома всё в порядок, возьми тёплую одежду на всякий случай, деньги и сменные вещи, запри дверь и приходи сюда рано утром. Не опоздай! Кстати, на пир приглашают и нас тоже. Там соберутся все высшие знатные и финансовые чины города.

— Когда я был против бесплатной еды, брат? — рассмеялся Вахуш.

Глава 4: Убийца Тигра

Вечером, после положенной манихейством обязательной молитвы, во дворце был устроен большой пир в честь недавней свадьбы кагана. Каган сел во главе стола, слева от него села его жена Тайхэ, справа — Первосвященник Мар Абба и эранский спяхбед Паньгуань, который не успел переодеться и поэтому сидел в почти полном доспехе, сняв только шлем и перчатки. Вахушу (уже чисто выбритому) досталось место между Тайхэ и священником по имени Мар Анмар. Исмаил сидел от него на противоположной стороне П-образного стола вместе с другими представителями дворцового чиновничества. Ми-Ми нигде не было видно. Видимо, ей было не положено присутствовать на таком мероприятии.

Были за столом и знатные эльтеберы, тарханы и представители купеческих гильдий из Орду-Балыка и Согдианы.

Вахуш заметил, что на столе не было мясных или рыбных блюд, но было множество фруктов, овощей, ягод и салатов. Можно было налить себе мясного бульона в рис, но не более того.

Повернувшись на странный звук, он увидел, что сидевший рядом с ним священник вдыхает пары от пахнущей рыбой воды в чашке, совершая странные жесты.

— Прошу прощения, а что вы делаете? — поинтересовался согдиец.

— Борюсь со Тьмой, — пояснил священник, направляя движениями ладоней воздух от чашки с рыбным бульоном себе в ноздри. — Рыба есть источник Тёмной Материи, я должен уметь противостоять ей.

— Вот как? — с удивлением сказал Вахуш, ковыряя свой салат двузубой серебряной вилкой. — Я не знал.

— Вы, согдийцы, поклоняетесь демонам Зурвану и Ахурамазде, и поэтому поглощаете много тьмы из пищи, — наставительным тоном произнёс манихей. — Множество Частиц Света содержат дыня, арбуз, а также различные ягоды, любая растительная пища, где много чистой воды.

— Я не сомневаюсь в вашей мудрости, господин... как вас зовут?

— Я — Избранный Мар Анмар, — с оттенком лёгкой гордости произнёс поджарый смуглокожий священник. — Кстати, «Мар» — это обращение к святому человеку, что-то вроде христианского «Брата» или «Преподобного», поэтому не думай, что это моя фамилия.

— Господин Мар Анмар, я бы хотел возразить вам. В Согдиане почитают Будду, Христа и Аллаха, но вера в Ахурамазду, к сожалению или к счастью, стремительно умирает.

— Всё это лишь искажения Истинного Вероучения, — отмахнулся священник. — Мани, хотя и уважал Христа, но говорил, что в Библии всё ужасно искажено, и что истинны только его слова, услышанные им от небесных существ.

— Очень интересно, — с едва заметным сарказмом хмык-

нул Вахуш.

— Прошу меня простить! — хатун Тайхэ внезапно встала из-за стола, закрыла рот рукой и побежала в уборную в сопровождении двух служанок в розовом.

— У моей жены очень нежный желудок, — весело хмыкнул каган, наклонившись в сторону Вахуша. — Не может есть одну растительную пищу, — он отхлебнул подогретого вина из золотого кубка, а затем положил в рот несколько виноградин.

Мар Абба при виде этого не выдержал:

— Великий Каган, Мани не одобряет алкоголь!

— Это не алкоголь, — сказал Кюлюг-Бильге. — Это забродивший виноградный сок.

— Но...

— Просто забродивший виноградный сок, — упорно повторил каган, его щёки порозовели. Не то от вина, не то от раздражения.

Первосвященник зло вздохнул и принялся за кусочки арбуза, съедая их вместе с кожурой.

— Великий Каган, дерзну предположить, — наклонился к правителю Вахуш, — ваша жена — беременна?

— О-хо-хо, а ты весьма наблюдателен! — тёмные маленькие глаза кагана внимательно посмотрели на Вахуша сквозь смех. — Да, уже третий месяц.

— Я заметил это по её лицу и по очертаниям под одеждой, вечером она надела не такое пышное платье как утром.

— Надеюсь, что это будет мальчик, — отпив ещё вина, сказал Кюлюг-Бильге. — Мой наследник, который унаследует моё дело и мою страну.

— А если это будет девочка? — с улыбкой спросил Вахуш.

— Ну... Отдам её в жёны какому-нибудь принцу Непала, ха-ха-ха!

Тем временем, Паньгуань сделал глубокий глоток из своего кубка, вытер усы и, взглянув прямо на Вахуша, громко произнёс, перекивая шум разговоров:

— А ты знаешь, почему меня зовут Убийцей Тигра, согдиец?!

— О-О-О! — прокатилось по залу.

Каган зашёлся булькающим смехом, чуть не подавившись рисом с мясным бульоном, ложку которого он успел положить в рот.

— Нет, поясните, господин спахбед! — поддержал общее настроение Вахуш.

Паньгуань перескочил через стол и встал перед всеми, словно актёр.

— Это было много лет назад! Я был тогда молодым офицером, мы отправились в джунгли вьетов, так как они совершали набеги на южные деревни. Завязался страшный бой! — генерал изобразил как махает мечом во все стороны и стреляет из лука. — Я остался один на один с одним из вьетов. На нём была всего лишь набедренная повязка, а в руках — копьё с железным наконечником, которым он махал словно

дракон хвостом!

Паньгуань изобразил как он отбивается от копья, уворачивается и наносит контрудары.

— Наконец, я перерубил его копье пополам, а затем снёс ему голову могучим ударом! — он взял большой нож и разрубил пополам один из арбузов на столе, все заплодировали.

Паньгуань шуточно поклонился и продолжил:

— Убив вьета, я понял, что отстал от отряда и заблудился. Дело уже близилось к ночи, начали появляться звёзды. Я развёл костёр и решил присесть на бревно и отдохнуть... И тут — он! Огромная тигриная морда вышла из темноты и взглянула на меня сквозь языки пламени...

Эранский спахбед начал медленно обходить гостей, глядя им в глаза.

— Тигр медленно обошёл огонь и остановился прямо передо мной. Он смотрел на меня, а я смотрел на него на расстоянии одного шага... — приблизившись к Вахушу, Паньгуань уставился на него немигающим взглядом. — Я знал, что отводить взгляд ни в коем случае нельзя... Медленно, очень медленно я нащупал лук и стрелу, лежавшие на бревне рядом со мной... — старый генерал изобразил, как медленно накладывает стрелу на лук и целится прямо в Вахуша. — Тигр оскалил клыки, из его огромной пасти текли голодные слюни... И тут я отпустил стрелу! Бам! И она попала зверю прямо в его голубой глаз. Такой же голубой, как и у тебя,

согдиец. Затем зверь начал реветь, прыгать, биться головой об деревья, раскидал весь мой костёр, а затем пал на землю, словно гора, испустив дух и исходя кровавой слюной! Вот так я стал Убийцей Тигра!

Все вновь громко зааплодировали и заулюлюкали.

— Слава Ху Шашоу! Слава нашему спяхбеду!

Поклонившись и выпив ещё целый кубок вина, Паньгуань, шатаясь, пошёл прочь из обеденного зала.

— Ха-ха-ха! — громко рассмеялся каган. — А мне он сказал, что прыгнул на тигра с копьём с вершины водопада, пригвоздив голову зверя к земле! А ещё, однажды, сказал, что тигр был метафорический или поэтический. Каждый раз что-то новое придумывает...

— Так он действительно убил тигра? — спросил Вахуш, подняв брови.

Каган прокашлялся и ответил:

— Никто точно не знает, согдиец. Быть может, однажды ты или я услышим настоящую историю... Но не сегодня! Ха-ха-ха!

Затем в тронный зал вошло несколько музыкантов и стройный юноша с уставшими карими глазами, длинными чёрными волосами и в синей шёлковой одежде придворного актёра, на поясе у него были две тонкие сабли из блестящего металла, а голова была повязана красным шерстяным шнурком. Внешне он чем-то походил на Кюлюга-Бильге, каким он мог бы быть в юности.

— Позвольте порадовать гостей необычным танцем! — сказал юноша звонким голосом с лёгким акцентом.

— Ха-ха, ну попробуй, ублюдок! — махнул рукой каган, а потом наклонился к Вахушу и произнёс: — Сын киргизской наложницы моего отца, у него даже личного имени нет.

Юноша прикусил губу от раздражения, а потом сказал:

— Арда! Арабский танец меча!

Загремели барабаны, а один из музыкантов начал ритмично читать стихотворные строки на арабском, давая подходящий ритм танцору.

Юноша закрутился и запрыгал, потешая гостей, которые хлопали в тон звуку барабанов. По мере того, как поэт зачитывал стихи, он приближался всё ближе и ближе к кагану, размахивая саблями, а затем, подпрыгнув последний раз, оставил кровавую полосу на щеке Кюлюга-Бильге.

Музыка сразу затихла, подбежавший стражник ударил юношу рукоятью сабли и опустил его лицом в пол.

— Убить его, господин? — спросил солдат.

Раздувая ноздри от злости и приложив стремительно начавший краснеть шёлковый платок к щеке, каган сказал:

— Увести его и наказать! И глаза чтоб мои больше не видели его во дворце!

Танцора схватили под руки и утащили с глаз гостей. Пир был на этом окончен.

К счастью, рана кагана оказалась неглубокой и похожей на след от когтя кошки, поэтому лекарь просто обработал её

заживляющими травами и наложил на щёку Кюлюга-Бильге плотную заплатку из нескольких слоёв шёлка, перевязав рану через голову шёлковым бинтом.

Когда каган вернулся в свои покои ближе к полуночи, его там ждала Ми-Ми, одетая только в алые шёлковые штанишки из-за летней жары и лежавшая на подушках кровати, читая какую-то маленькую книжку со стихами. А возле неё сидела и гладила её по голове его жена Тайхэ, облачившаяся в полупрозрачную белую пижаму и распустившая свои длинные чёрные волосы.

— Чёртов ублюдок ранил меня! — ругнулся каган, грузно присаживаясь на кровать возле жены.

— Рана неглубокая? — спросила хатун, трогая его за подбородок и внимательно всматриваясь в лицо.

— Просто царапина, — отмахнулся каган.

Котёнок откинула в сторону книжку и прыгнула к кагану, взяв его за запястье.

— Пусть у тебя всё пройдёт, Кюльги! — сочувственно сказала она, на глазах тангутки блестели слёзы.

Он посмотрел на её маленькую грудь, на которой была татуировка в виде чёрного волчьего черепа, чьи глазницы были заняты её торчавшими коричневыми сосочками. От её прикосновения он почувствовал необычайное возбуждение и поцеловал её в губы, сплетая свой язык с её. Его жена, тем временем, сняла свою одежду и тоже начала целовать их общую любовницу и гладить её смуглую кожу, стягивая её шёл-

ковые штанишки.

Затем каган лёг на спину, поморщившись от щиплющего ощущения в правой щеке. Его жена села сверху на его член и начала ритмично двигать бёдрами, в то время как Ми-Ми целовала её в губы, держа за грудь и глядя её бледную кожу. Татуировки девушки из деревни колдунов в тусклом свете масляных ламп будто жили своей жизнью, ползая по её коже и обвивая её тугие смуглые бёдра. Спирали на её ладонях и узоры её кожи гипнотизировали взгляд её любовников, возбуждая их ещё больше.

Тайхэ кончила довольно быстро, а её место заняла Котёнок, начав быстро и с чувством двигать бёдрами, упёршись в волосатую грудь убийцы её родни. Она прыгала на нём с такой быстротой и жадностью, что каган не выдержал и излил в неё своё семя, забыв про боль от раны, нанесённой ему братом.

Расслабившись, Ми-Ми слишком сильно выгнулась назад и упала с кровати, смешно ойкнув и затем выглянув из-под лежавшей рядом подушки словно нашалившая кошка, глупо улыбаясь.

Глава 5: Язычники

Рано утром следующего дня Вахуш подошёл к каравану, который уже ожидал его у врат столицы. К его удивлению, рядом с Исмаилом стояла и болтала Котёнок, любимая наложница кагана. В крытой телеге рядом с ними посапывал священник Мар Анмар.

Увидев Вахуша, Исмаил помахал ему рукой:

— Опаздываешь, брат! Мы уже были готовы тронуться!

— Прости, моя кисть для письма куда-то закатилась... —

Вахуш положил свои вещи в телегу и вытер пот со лба: уже становилось жарко.

Котёнок подошла к Вахушу сняла со своей шеи талисман в виде чёрной фигурки женщины с головой кошки и протянула его согдийцу.

— Возьми, она принесёт тебе удачу!

Вахуш взял фигурку в руку и осмотрел её: она казалась очень старой и сменившей не одного владельца. Также он заметил, что наложница кагана сегодня была без перчаток, и с интересом посмотрел на чёрные спирали на её ладонях.

— Спасибо, госпожа Ми-Ми.

— Наклонись!

Согдиец склонил голову, и Котёнок надела на его шею талисман, спрятав фигурку в складках его одежды.

— Она будет увеличивать твою удачу в необходимые мо-

менты... — сказала она, взяв его за запястье. — Но заберёт её полностью с процентами в твой последний час.

— Звучит странно... Но, надеюсь, мой последний час не станет нескоро.

— Никогда его не снимай! — Котёнок поцеловала Вахуша в щёку и побежала обратно во дворец в сопровождении двух сонных стражников.

— Госпожа Ми-Ми решила лично проводить нас, очень мило с её стороны, — сказал Исмаил, забираясь в телегу.

— Да, она весьма... милая, — кивнул Вахуш, залезая следом.

Путь им предстоял неблизкий: три недели пути через степь, кочевые стойбища, оседлые деревеньки, а также монастыри и не очень безопасные пастбища монголов, которые, хоть и были данниками на словах, оставались весьма опасными людьми. Исмаил сказал Вахушу записывать и считать всё, что он сочтёт нужным по пути, так как это всё равно рано или поздно пригодиться. Например, посчитать сколько людей в данный момент времени в стойбище, где оно находится и чем живёт, а также сколько людей живёт в поселениях и монастырях, сколько работает на фермах, а сколько бесцельно бродит по округе.

— Скажите, уважаемый Мар Анмар, — спросил священника согдиец, когда они остановились пополнить припасы в Орхоне, — а девушки среди вас есть? Или Мани против девушек-священнослужителей?

— О-о-о! — возвёл очи горе Мар Анмар. — Невежественный! Мы гордимся тем, что у нас священнослужителем, Слушателем и Избранным может стать и женщина. Более того, нынешний Ямаг — женщина по имени Парвати.

— Вот как. А я думал, Ямаг — это Мар Абба.

— Нет-нет, — отрицательно помахал широкой ладонью манихей. — Достопочтенный Мар Абба хоть и является Первосвященником Уйгурии, но он только один из епископов нашей мировой Церкви. Парвати является Ямагом вот уже три года, и за это время количество женских монастырей здесь и в Согдиане значительно выросло.

— Она что-то вроде Римского Папы? — поинтересовался Вахуш.

— Ха! Если сильно упрощать, и тебе так легче понять, то да. Но Епископ Рима всего лишь глава еретиков, Церковь Света — вот единственная истинная вера.

— А какой срок правления ямагов?

— Пока Свет не призовет его к себе... И, раз уж ты так детально решил расспросить о Церкви, то это должен быть разговор не в одну сторону, — хитро улыбнулся Мар Анмар.

— Что вы имеете ввиду?

Священник присел на лавку возле одного из домов, где они стояли, и жестом пригласил Вахуша сесть рядом. Согдиец сделал рабочую пометку о том, что за несколько часов он насчитал около двухсот разных человек в данный день, и сел возле манихея, спрятав письменные принадлежности в

сумку.

— Я слышал, что ты состоишь в некоем тайном ордене, Вахуш, — сказал Мар Анмар на согдийском варианте персидского, чтобы их никто не смог понять.

— Не такой он и тайный, — ответил согдиец, почувствовав облегчение, что он может с кем-то поговорить на своём родном диалекте. — Герметисты — это сообщество учёных и философов... — он задумался, — и немного — мистиков, — добавил он в конце с осторожностью.

— Вот как? — Мар Анмар, казалось, был слегка озадачен. — И что вы изучаете?

— Движение звёзд, планет, комет... Медицину, алхимию и теургию...

— Что такое «теургия»?

— Как вам сказать... Это поиск способов связи с неведомым.

— Вы что, заклиняете духов, словно шаманы?

— Я бы не назвал это заклинанием духов, скорее, мы ищем ответы в некоем... — он обвёл рукой воздух, — в некоем поле информации, которое окружает нас. В этом нам помогает алхимия. С помощью различных реагентов, расширяющих сознание, можно добиться озарения в научной работе или творчестве. Главное не злоупотреблять этим...

— Вы что, принимаете какие-то травы, грибы? — хмыкнул Мар Анмар с иронической улыбкой.

— Мы принимаем лекарства для души и тела, — с неко-

торым раздражением ответил Вахуш. Ему не нравилось, что манихей упрощает разговор, хотя и было видно, что священник пытается понять чем занимается орден.

«Какая-то проверка на лояльность или он хочет вступить к нам? — подумал Вахуш».

— Я всегда думал, что алхимия и всё, что с ней связано — это работа Тьмы, — сказал священник, потирая подбородок тонким пальцем. — Мани против любой магии...

— Это не магия, это — наука, — сказал Вахуш, наблюдая как Исмаил отдаёт последние распоряжения караванщику перед отправкой.

— Ты бы смог посвятить меня в эту вашу... науку?

«Ага, я так и думал, — внутренне улыбнулся Вахуш».

— Пока у меня нет времени на это, но в дороге я готов рассказать вам больше об ордене, если вам действительно интересно.

— Всё равно большую часть пути нечем заняться, — пожал плечами священник. — Но... — он наклонился к согдийцу поближе и понизил голос, — не распространяйся об этом разговоре, мы поняли друг друга?

Счетовод кивнул: кажется, он нашёл первого потенциального союзника при дворе. Пока Мар Анмар залезал в повозку, Вахуш дотронулся до статуэтки под одеждой, подаренной ему Котёнком, и мысленно поблагодарил её за потенциальную удачу, хотя он и не особо верил в то, что нельзя доказать опытным путём.

«Принесла ты мне сейчас удачу или нет, — мысленно обратился он к фигурке, — но спасибо за помощь, если ты меня слышишь».

Талисман никак не проявил себя в ответ.

По пути Вахуш попробовал различные местные блюда, такие, как например Лагман, который являлся лапшой с добавлением подливки из мяса и овощей. Правда, он купил его у иноземного торговца в одной из деревень, так как при обращении в манихейство уйгурам отныне были запрещены мясные и молочные блюда, и особенно рыбные. Пока это был неформальный, религиозный, а не юридический запрет, но местные священники, монахи и монахини смотрели на употребляющих подобные блюда людей очень косо, даже если это были иностранцы.

Ещё, в монгольском кочевом стойбище в Хангае он попробовал так называемый «аткенчай». Это был крепкий чёрный чай с солью, в который монголы добавляли также жиры и сушёное мясо, что делало его практически супом. На фермах и пастбищах в Эгийне уйгуры и киргизы добавляли в такой чай молоко со сливками, сушёные бараньи шкварки и жир, что в сочетании с тандырной лепёшкой давало крестьянину много сил на его тяжёлую работу.

Были они и на уйгурской свадьбе — тое — в Хувсгеле. В отличие от других тюркских народов, у уйгуров не было так называемого выкупа за невесту — калыма, но жених нёс все расходы на организацию торжества. Свадьба сопровож-

далась песнями, танцами (санам) и народными музыкальными произведениями, так называемыми «мукамами». Музыканты исполняли музыку на местных флейтах (най), бубнах (дап) и лютнях — сетарах и тамбурах. Вечером у дома жениха невесту, прежде чем впустить её в его дом, трижды обвели вокруг костра, на чём бракосочетание и завершилось.

— Скоро мы доберёмся до самого восточного племени киргизов, — сказал Вахушу Исмаил на двадцатый день пути после своего «фаджра» — обязательной утренней молитвы мусульман. Утро выдалось холодным и моросил мелкий противный дождь. — Постарайся быть, как бы это сказать... профессиональным.

— Что ты имеешь ввиду? — спросил согдиец, попивая ещё горячий крепкий чай из завёрнутого в несколько слоёв ткани кувшина.

— Здесь не так давно прошла карательная акция кагана... Крестьяне злые и раздражённые. Не проявляй сочувствие или агрессию к кому-либо или чему-либо, просто делай свою работу.

— Я не люблю играть в героя, брат, особенно зазря, — сказал Вахуш после некоторых раздумий.

— Вот и не стоит, — кивнул Исмаил. — Не заставляй магуса опять хвататься за голову из-за тебя.

— Не так уж и часто он за неё хватался... — усмехнулся Вахуш.

— О, Аллах, дай немного разума этому одуванчикоголо-

вому, — с иронией всплеснул руками Исмаил.

Мар Анмар никак не отреагировал на упоминание чужого бога, так как спал и храпел так, что невозможно было понять, это звук носоглотки священника или дождь барабанит по плотной ткани повозки.

— Кстати, чуть не забыл! — сказал Исмаил, когда они уже почти были на месте и стал слышен людской говор. Он порылся в своих свитках и вытащил один маленький пергамент, отдав его Вахушу.

— Что это?

— Каган даровал тебе титул Эра, что-то вроде низшего рыцарства, но не обольщайся, это просто бюрократическая формальность, чтобы ты мог общаться с крестьянами и торговцами так, будто ты их начальник. Чтобы они не задавали вопросов насчёт того, зачем им вообще тебя слушать или подчиняться тебе.

— Интересная работа... Только устроился и уже повышение. Всегда бы так, брат.

— Скажи спасибо магусу, что устроил для тебя всё это. Ты бы видел лицо Абдул-Малика, когда он узнал, что ты пойдёшь работать во дворец.

Вахуш внутренне съёжился от одного упоминания о магистре персидского отделения. Казалось, он сейчас вновь его окликнет и заставит что-нибудь переписывать.

Вскоре людской говор стал громче, а также запахло прохладной свежестью, которую ветер принёс с берегов нахо-

дившегося совсем рядом великого озера Ханьхай.

Когда они втроём вылезли из повозки (пришлось растолкать Мар Анмара), им предстало удручающее зрелище: погорелые дома, разбитые заборы, потоптанный конями урожай. Кто-то пытался заделать дыры в крыше, чтобы всё внутри не промокло от дождя, кто-то просто сидел на земле, закрыв лицо руками. Было видно, что киргизы очень пострадали за своё желание отстоять древние верования.

Им не сразу удалось найти дом старейшины, так как его руины мало чем отличались от других. Но рядом с ним на большом камне сидела старая женщина с длинными чёрными волосами, выбивающимися из-под белого тюрбана из нескольких метров ткани. Она была одета в длинное чёрное платье с красной вышивкой, красные шаровары и распашную юбку, пришитую к широкому поясу, отороченную коричневым мехом по подолу. На ногах у неё были старые кожаные сапоги, а рядом стояли двое хмурых стражников в видавших виды кожаных доспехах и с короткими копьями.

— *Кем сизлер?* — грубо спросила она, тыча пальцем в сторону подошедшего Исмаила.

— *Биз каганнын кули биз,* — ответил ей Исмаил после некоторой запинки. — *Бизни... бизни каган йиберди.*

Вахуш не понимал по-киргизски, но догадался, что его брат по ордену и теперь и по работе объясняет, что они посланники кагана.

- *Йарык. Пайцза коргуз?* — хмуро глядя исподлобья,

спросила старейшина.

— Пайцза, пайцза, где она... — Исмаил зарылся в свою сумку, а потом достал оттуда серебряную пластину с родовым знаком кагана, а также надписями, сделанными орхонскими рунами. — Ал, — сказал он, подавая пластину женщине.

Та взяла её, внимательно прочитала и вернула обратно.

— И зачём жы ви пришли? — спросила старейшина на уйгурском с сильным акцентом.

— Посчитать население в этой области, а также сколько людей приняло новую веру.

— Немного осталось людэй, которые магли би принять веру, — горько усмехнулась она, обведя рукой плачущих детей, голодных людей и руины. — А священников присланных ещё и кормить чэм-то надо.

— Мы не так уж и много едим, — заметил Мар Анмар, скрестив руки на груди. Вахуш ткнул его локтем под бок. — Простите, если прозвучало резко, — добавил священник.

— Дилайте что хатите, нам уже всё равно, — махнула рукой старейшина.

Они довольно быстро обошли деревню, Вахуш записал 154 выживших человека, из которых было 70 женщин, 10 детей и 74 мужчины. В деревне также была дюжина священников, которые помогали чинить дома и таскать материалы, не забывая при этом упоминать Слово Мани.

Когда они уже собирались уходить в следующее поселе-

ние, разгорелся конфликт. Одна из женщин устроила скандал священнику, который пытался отобрать у неё мясо и бурдюк с молоком, говоря, что это есть не положено и что он отдаст взамен овощи из своих личных запасов.

— Я продам это на рынке и куплю вам лука, чеснока и тыквы или дыни, — как ни в чём ни бывало заявил священник, кладя запасы мяса и молока в свою телегу.

— Да ты с ума сойти! — на ломаном уйгурском кричала крестьянка, прижимая к себе двух маленьких мальчиков и стоя под проливным дождём. — Чем мне кормить моих?! Мясо и молоко есть наша пища с времён дедов!

— Я же сказал... — пожал плечами манихей.

— Что тут происходит?! — подбежал к крестьянке Исмаил, надеявшийся что всё пройдёт спокойно.

— *Бу явыз киши бизни ачлыкта олтурмек тилер!* — со слезами затараторила киргизка. — *Бу камак киши бизни ачлыктан олумду тилер. Ол азыкны жашырды, малды тартып алды!(1)*

— Никто здесь не хочет вас убить, — примирительно поднял руки Исмаил.

— *Бу тенгирсиз киши бизни ачлыктан олтурмек болур!(2)*

— Ты кого назвала нечестивцем?! — вспыхнул манихей и ударил её ладонью по щеке. — Ты, язычница!

Вахуш, слышавший разговор, вопросительно повернулся к Мар Анмару.

— Я не знаю, что можно сделать, согдиец, — сказал священник, его лицо было суровым. — Она страшно нас оскорбила. Оскорбила нашу веру.

Священник, который забирал мясо у киргизки, притащил её за волосы к старейшине и потребовал справедливости.

— Требую сурового наказания за оскорбления слуги Света и Государства! — потребовал манихей, держа крестьянку за волосы. — Никто не смеет называть нас нечестивцами! Мы — верные слуги пророка Мани, Избранные Светом, чтобы очистить мир от всякой Тьмы!

— Оглянись вокруг, священник, — сказала старейшина. — Мы и так уже достаточно наказаны... — она притянула к себе плачущих мальчиков и начала гладить их по голове, чтобы успокоить.

— Что думаешь, достопочтенный Мар Анмар? — спросил Исмаил их спутника.

— Десять плетей и строгий пост, — после некоторых раздумий, ответил манихей. — Но только на первый раз такое снисхождение.

Пока один из стражников-киргизов с непроницаемым лицом бил плетями голодающую женщину, в сердцах оскорбившую священника, Вахуш впервые задумался о том, что, возможно, он выбрал не того хозяина...

Чуть позже, когда дождь закончился, он сел на берегу озера и долго вглядывался в его спокойные чистые воды. Исмаил молча присоединился к нему, и они долго смотрели как

волны накатывают на берег.

1 — Этот плохой человек хочет, чтобы мы умерли с голоду и хочет нас убить! Он спрятал еду и забрал скот! (древне-киргизск.)

2 — Этот нечестивец (безбожник) уморит нас с голоду! (древне-киргизск.)

Глава 6: Карабаш

Вернёмся во дворец кагана на две недели назад. Точнее, во дворцовую тюрьму, где уже неделю томился тот танцор, ранивший кагана на пиру. По правде говоря, он сделал это случайно, но его объяснений уже никто не стал слушать.

Незаконного брата Кюлюга-Бильге избили и потом бросили в одиночную камеру, гадая что делать с ним дальше, так как указаний о его казни от кагана не поступало. Каждый день ему давали рисовую похлёбку и кусочек зачерствевшего ячменного хлеба вместе с кувшином воды. К удивлению юноши, на шестой день стражник, который приносил ему еду и убирался в камере, принёс ему сладкую булочку и кусочек жареного мяса на тарелке, а также кувшин вина.

— Ешьте, молодой господин, — вежливо сказал стражник, ставя тарелку с булкой и кувшин на землю около юноши. — Мой начальник велел хорошо вас накормить.

— Не нужно мне ничего от вашего господина или начальника! — запальчиво выкрикнул бастард, звякнув тяжёлыми цепями, когда скрестил руки на груди. — И я ни в чём не виноват!

— Виноват ты или нет, уже не важно, — терпеливо сказал стражник, подойдя к юноше поближе. — Ты ранил кагана, другого бы давно убили за такое, даже если это случайность,

— прошептал он ему на ухо.

— Но это действительно случайно... — на глаза юноши навернулись слёзы.

Не сказать, что он плохо жил до этого, его держали при дворе «на всякий случай», так как у кагана до сих пор не было детей, а его дядя Алп-Кутлуг был уже стар и слаб и не мог унаследовать страну при несчастном случае или убийстве. Родных (законных) или хотя бы двоюродных братьев у Кюлюга-Бильге тоже не было.

Бастарду не полагалось личное имя, поэтому все звали его просто «Кул», что означало слугу, или просто говорили: «Эй, ты!» или «Эй, мальчик!».

— Поешьте, молодой господин, — вновь настойчиво повторил стражник, ставя тарелку и вино поближе к юноше. — Если вы не думаете о себе, подумайте хотя бы обо мне. Начальник накажет меня, если вы не будете хотя бы иногда хорошо питаться.

Юноша закрыл глаза и опустил голову, но тарелку и кувшин не отодвинул.

— Поешьте, поешьте, завтра вас переводят в другое место, — стражник отошёл к двери и, поклонившись, вышел в освещённый одинокой масляной лампой коридор. — Там, возможно, вам придётся тяжелее, — сказал он напоследок через зарешёченное окошко, а затем закрыл его за собой деревянной заслонкой.

Когда шаги стражника удалились, юноша жадно набро-

сился на булочку и мясо, запивая их вином, и не заметил, как съел всё за несколько минут.

На следующий день четверо молчаливых стражников пришли за ним ранним утром и перевели его в общие камеры, посадив в клетку между не говорящим по-уйгурски худым хмурым согдийцем и храпящим в тускло освещённой соседней камере жирным боровом в мешковине.

Когда за стражниками закрылась дверь, а патрульный, лениво бродивший туда-сюда, ушёл достаточно далеко вправо по коридору, жирный сосед по камере обратился к юноше, не поворачивая головы.

— Значит, это ты — тот, кто ранил кагана? А, карабаш(1)? — хрипло добавил он после первого вопроса.

— Я не раб! — вспыхнул юноша. — И я сделал это не намеренно!

— Не намеренно? Он же твой враг и издевался над тобой, нет?

— Я бы не назвал его врагом... — бастард уронил голову на руки и протёр заспанные глаза.

— Он не твой враг, карабаш?

— Нет, я просто увлёкся танцем... И во дворце со мной обращались достаточно хорошо...

— Знаешь, когда преступник врёт государству, то его казнят, карабаш... — жирдяй поднялся, зевнул и сел в тёмном углу своей камеры. Юноша никак не мог разглядеть его лицо. — А если сокамерник врёт сокамернику.... Лучше тебе

не знать, что тогда произойдёт.

— Я не вру!

— Тихо, стражники идут! — сказал сокамерник бастарда.

Через несколько секунд четверо охранников повели мимо них огромного человека с пышной чёрной бородой, густыми бровями и такими же длинными усами. Он был крепко связан верёвками, и один из стражников периодически тыкал его деревянным копьём под бок, когда тот упирался. Человек был настолько высок, что стражники едва доставали ему до плеча, а его голова почти упиралась в низкий потолок тюрьмы.

— *Барчаныз каргыш болсун! Мен сизлерни адыра корур мен!* — прорычал гигант на киргизском, упираясь. Его верёвки тяжко скрипели, пытаясь его сдержать.

— А ну иди вперёд, проклятый шыр(2)! — сказал один из охранников и сильно тыкнул его в спину копьём. — Давай, поторапливайся!

— *Тенгириниз тас болгай!* — словно лев прорычал в ответ киргиз, но затем замолчал, и только его огромные ноздри раздувались от злости, пока он не скрылся из виду.

— Что он сказал, карабаш? — спросил юношу жирдяй. — Ты понимаешь?

— Он... Он их всех страшно проклял... И сказал, что всех их ненавидит... Кто это?

— Ха! Это Тепек по прозвищу «Сол» или «Левша». Злющий киргиз, карабаш, как и ты. Пытался украсть коня сво-

его господина, чтобы сбежать. Но коняга была слабая и не выдержала его веса, так что далеко он не ушёл. Теперь он тут надолго.

— Страшный человек... Не хотелось бы мне перейти ему дорогу...

— А тебя самого-то как зовут?

Юноша горько усмехнулся и ответил:

— Если уж на то пошло, зови меня «Карабаш».

Его собеседник рассмеялся в ответ, а затем пришёл стражник и увёл его куда-то. Больше юноша его никогда не видел.

В это же время Кюлюг-Бильге решил устроить встречу старых друзей в формате «мэшрэп», традиционного собрания уйгурских мужчин, на котором обычно присутствовало около тридцати человек, что называлось «оттуз огул» или «тридцать молодцов». Причём, обычно это была не просто встреча друзей или односельчан, а настоящее общественное собрание, глава которого назывался «жигит-беши», который имел право назначать «музыканта», «повара», «танцора», а также судью «кази», который имел право наказать нарушителя порядка на собрании. Мэшрэп выполнял воспитательную функцию, позволял выявлять наиболее талантливых людей, а также решал важные вопросы общины. Это была настолько важная традиция, что невежественного человека уйгуры называли «мэшрэп кормигэн» или «не видевший мэшрэпа».

У женщин был свой мэшрэп и он проводился отдельно.

На встречу пришло немного людей, в основном друзья

детства Кюлюга-Бильге, одним из которых был астабадх Джуз из Орхона. Вторым был его друг из деревни бабушки по материнской линии по имени Себук-Тегин, грозного вида мужчина с бугрящимися мышцами, который служил одним из четырёх спахбедов, генералов уйгурского государства. Третьим пришёл Шадиар из Селенги, дарик-пат, или казначей государства, которого каган пригласил для обсуждения финансовых вопросов. Был там также и тенгрианский эльтебер по имени Эркин из Джуяна, владевший обширными областями на юге государства уйгуров. В детстве они с каганом часто охотились вместе или ходили на рыбалку с другими ребятами.

Пятым пришёл спахбед Ли Ицзе, китаец-перебежчик, как и Паньгуань, который изрядно разбогател на подарках императорских чиновников после похода в Китай (куда уйгуры так и не дошли). Сам Паньгуань не смог прийти из-за мучившего его жуткого похмелья.

Был накрыт богатый стол, куда тайно принесли мясо, рыбу и вино, а рядом возвышалась небольшая сцена, где несколько девушек-музыкантов в сопровождении певца горлового пения играли и пели народные песни.

Последней была песня про какого-то юношу по имени Айдын, по которому страдала условная девушка в песне.

— Что за бабская песня! — повернулся к актрисам каган. — Сыграйте что-нибудь этакое, про родину, про наш народ. Девушки смутились, переглянулись, а затем начали петь

мерную песню про красоты Алтая с ритмичным перечислением тенгрианских богов и духов их певцом.

— Вот! Другое дело! Хе-хе-хе! — довольно похлопал в ладоши Кюлюг-Бильге, а потом повернулся к своим собеседникам. — Ну что, как распределим роли?

— Ну, конечно ты будешь жигит-беши! — громыхнул Себук-Тегин, а затем опрокинул в себя целый кубок вина.

— Тогда — ты будешь кази, — усмехнулся каган.

— Я в прошлый раз был кази! Пусть теперь Джуз будет кази. Э-эх! Красивая песенка! Голосок певицы просто чудо! — спяхбед вытер губы рукавом и принялся за огромный кусок свинины.

— Я не против, — пожал плечами канцлер. — Выгоню тебя если будешь много пить.

— Ха! Ну попробуй! — Себук-Тегин показал ему свой пудовый кулак.

— Вы так хорошо кушаете, уважаемый спяхбед, — заметил седовласый казначей. — Быть посему вам поваром.

— Боюсь представить, что может наготовить этот шыр, — хохотнул Кюлюг-Бильге, отправляя в рот горсть винограда.

— А что за запах такой? — подал голос Эркин из Джуяна. — Себук-Тегин, ты опять спал на соломе в конюшнях у казармы?

— Да не, это мой обычный запах! Ты что, забыл? Ха-ха-ха! — генерал выпил ещё один кубок вина залпом и уже совсем покраснелся.

— Да, совсем меня память подводит, — усмехнулся эльтебер.

— А я кому быть певцом? — спросил Шадияр из Селенги, держа в руках большую бухгалтерскую книгу с золотой обложкой.

— Может быть, тебе? Ха-ха-ха! — каган выпил кубок с вином, похлопав по плечу казначея.

— Боюсь, я не наделён такими талантами... — с ироничной печалью парировал дарик-пат, а затем отложил книгу и наколот на вилку кусочек варёной рыбы.

— А что насчёт тебя, Эркин? — спросил Кюлюг-Бильге эльтебера. — Я слышал, что твой сын настоящий поэт.

— Я могу разве что прочесть какие-нибудь его стихи, которые мне понравились, — ответил тенгрианин.

— Дерзай!

Эльтебер поднялся на ноги и затем попросил места на сцене у музыкантов. Те на время перестали играть и с интересом на него уставились.

— Так... — Эркин прокашлялся, а затем начал:

Метель-метель кружится, и воем зверь ночной,

Белый волк по снегу мчит к юрточке одной,

И там лежит девица, чёрная коса.

Но сегодня ей не спится: она не хочет быть одна.

Полна шкатулочка брильянтов на бархате черном,

Лежит девица, мечтает только лишь о Нём,

А волк быстрее мчит, шаг ускоряя враз:

Увидит вскоре девица взгляд бирюзовых глаз!
Пусти меня на тёплое место,
О, Волчья Невеста!
Ах, дай мне погреться на жаркой груди!
Из одного теста
Мы, о Волчья Невеста!
Скорей в человека ты меня обрати!
Лежит девушка, вздыхает, тоскует по любви,
Ведь молодое сердце пожарче, чем угли,
Но в холодной той пустыне и след людей пропал,
И нет в ней человека, чтоб жар Её унял.
Вот девица забылась беспокойным сном,
Всколыхнул внезапно ветер её одинокий дом,
И среди неспешного потреска костра
Вдруг за пологом голос услышала она:
"Пусти меня на тёплое место,
О, Волчья Невеста!
Ах, дай мне погреться на жаркой груди!
Из одного теста
Мы, о Волчья Невеста!
Скорей в человека ты меня обрати!"
Она глаза открыла, увидев тут же тень,
Что стояла у порога в ужасную метель.
Но завыванья ветра не могли всё ж перекрыть
Сердечную ту просьбу, что волк изволил повторить.
И думая, что это только просто сон,

Полог свой открывает дочь ледяных озёр.
И волку уж хотела бросить она кость,
Но вместо него в юрту вошёл незваный гость.
Пусти меня на тёплое место,
О, Волчья Невеста!
Ах, дай мне погреться на жаркой груди!
Из одного теста
Мы, о Волчья Невеста!
Скорей ты в объятья меня заключи!
Известны всем легенды о божественных волках,
Что к девушкам приходят в их томных жарких снах,
И дух севера оставил своей невесте в эту ночь
Две пары синих глазок: волчий сын и волчья дочь.
Пусти меня на тёплое место,
О, Волчья Невеста!

Ах, дай мне погреться на жаркой груди!
Из одного теста
Мы, о Волчья Невеста!
Скорей в человека ты меня обрати!
Из одного теста
Мы, о Волчья Невеста!

Скорей ты в объятья меня заключи!

— Вот это да! — зарукоплескали гости и музыканты. —

Настоящая песня получилась!

Эркин поклонился и сошёл со сцены, вернувшись ко столу.

— Дайте мне вина, что-то в горле пересохло, — сказал эльтебер, и стоявший рядом слуга налил ему вина из кувшина.

Каган, тем временем, обратился к молчаливому китайцу напротив себя:

— Что-то ты сегодня молчалив, Ли Ицзе. Впрочем, как и всегда.

— Не знаю, что сказать, — признался спахбед. — Я впервые на таком мероприятии. Ваше приглашение было для меня неожиданностью.

— Есть у тебя какие-то новости?

— Я слышал, что карлуки интересуются принятием ислама, чтобы защититься от возможного нападения Халифата, — сказал генерал, пережёвывая кусочек рыбы. — Они думают, что нам нет до них дела, раз мы отказали им в военной защите.

— Их дань становится всё меньше, — подытожил Шади-яр.

— Мы не можем сейчас распылять силы на такие дальние территории, — признался каган. — Но если они начнут нападать на наши караваны или чинить им препятствия, то с ответом я не задержусь!

— Я тоже хочу вставить своё слово, — сказал астабадх Джуз. — Монголы заворачивают наших миссионеров на границе своих пастбищ. Один из их вождей сказал мне, что им наша вера неинтересна.

— Хм-м... Возможно, стоит пригласить кого-нибудь из них в наши имамкары, чтобы показать богослужения и песнопения. Может быть, кто-то вдохновится, — задумчиво промолвил Кюлюг-Бильге, почёсывая свою бородку. — Мне не хочется вступать с кем-либо в конфликты сейчас. Мани говорил: не убий, и я не убиваю. Мани говорил: не кради, и я не граблю. Что я делаю не так?

— Среди тенгриан это воспринимается как слабость, — вскользь заметил Эркин. — Я честно признаюсь в том, что Мани мне чем-то импонирует, но я вырос как сын Тенгри и умереть я хочу тоже как сын Тенгри, вознесясь на небеса с белым конём и своими наложницами.

Вдруг внезапно раздался истошный крик на персидском: — *Ин дар чи гузарад?!*

Обернувшись на звук, собравшиеся увидели Первосвященника Мар Аббу, потрясающего своим посохом в дверях.

— Что здесь творится?! — закричал манихей, а затем подскочил к столу и опрокинул блюда. — Мясо, рыба, языческие песни! О, Мани, мне плохо... — Мар Абба зашатался, проведя рукой по лицу.

— Но мы же только Слушатели, нам можно это есть... — тихо возразил Джуз из Орхона.

— Вот именно! — громыхнул Себук-Тегин, его мышцы под рубахой угрожающе напряглись.

— Дело не в том, можно вам это есть или нет, — зло проскрипел манихей. — А в том, что если кто-то узнает, что их

правители сами нарушают уставы принятой веры, то всё наше дело многолетней давности просто рассыпится в прах, а язычники вновь поднимут голову по всей степи, *задаваясь вопросом зачем и для чего им подчиняться нашему великому кагану*, — последние слова Мар Абба произнёс с плохо скрываемой злой иронией.

— Кюлюг, скажи ему что-нибудь! — подскочил к кагану Себук-Тегин.

Каган не нашёлся, что ответить, кроме маловразумительных оправданий. В душе он понимал, что священник прав, но ему так хотелось вновь провести время со своими друзьями и соратниками так же, как и много лет назад.

— Язычники! — зло воскликнул в конце концов Первосвященник и быстро вышел в коридор, хлопнув дверью.

1. Карабаш — раб (уйгурск.)

2. Шыр — огромный тигр, реликтовый степной лев или барс из тюркских эпосов.

Глава 7: Шёлковый заговор

Вахуш вернулся в Орду-Балык поздно вечером в январе, через целых полгода после своего отъезда. Всё это время они с Исмаилом считали население, скот, рабов и количество товаров на складах в провинциях, а также количество воинов в гарнизонах и монахов в монастырях, получая свою плату за месяц у местных губернаторов и администраторов. Также, им пришлось закрыть глаза на некоторые вещи, например на невыполнения планов по урожаю или производству из-за погоды или банальной лени управляющих фермами, которые схватились за голову после внезапной проверки из столицы и пообещали больше не повторять своих ошибок.

Исмаил, скрепя сердце, дописал и исправил некоторые показатели, но предупредил, что если цифры не станут реальностью в следующий раз, то он всё доложит кагану.

Когда Вахуш отдал задержанную плату за жильё арендодателю, он открыл дверь в свою комнату, держа в руках масляную лампу и ожидая увидеть толстый слой пыли и паутины, но, как ни странно, всё было очень чисто.

«Видимо, хозяин заставляет слуг убирать даже пустующие помещения», — подумал согдиец, раскладывая свои вещи на кровати и ставя лампу на каменную полку на стене.

Окошко в его комнате было закрыто и завешано плотным ковром, но суровая уйгурская зима давала о себе знать слоем

иней на ставнях. К счастью, в комнате была небольшая печь, которую вечером заполняли горячим углём из общего камина в центральном зале, чтобы прогревать помещение и весь дом целиком. Вахуш дотронулся до глиняных кирпичей: они ещё были очень тёплыми.

Он сел на холодную кровать и поёжился: спать здесь он точно не будет. Придётся идти в центральный зал с меховым одеялом и подушкой и спать около камина вместе со всеми.

Взяв одеяло и подушку, согдиец спустился на первый этаж в большой зал, где уже было многолюдно, горячо был растоплен камин, а по углам стояли жаровни с углями. Пол был накрыт толстыми шерстяными коврами с персидскими узорами, а все окна закрыты и занавешены.

Здесь были семьи с детьми, постояльцы и купцы, а также группа согдийцев или персов в тёмных плащах и низко надвинутых капюшонах в дальнем углу, которые о чём-то тихо переговаривались, показывая на пергаментные свитки друг у друга.

Когда все улеглись спать, Вахуш тоже прикрыл глаза и постарался расслабиться, но вдруг услышал знакомые слова. Это был не согдийский, не тюркский и не китайский. Кто-то говорил на литературном арабском:

— *Халумма бина нунакиши ль-амра* (1).

«Фусха(2)? — подумал Вахуш. — Здесь?»

Язык поэзии, литературы, науки и Корана гулко отражался от глинобитных стен, несмотря на то что говорившие ста-

рались говорить как можно тише.

- *Атасику аннаху ля йафкахуна ахадун мина ль-гурабаи?*
(3)

«Что-то здесь не так», — подумал Вахуш, слегка приоткрыв глаз и увидев, как один из персов поднял руку, показав на мгновение край белого рукава.

«Манихейские монахи?»

— Объём поставок из Китая в этом году — двенадцать тысяч тюков. Из них через Согдиану в Халифат уходит семь тысяч. Сейчас пошлина кагана составляет одну десятую. Это семьсот тюков, — сказал первый монах.

— Сколько мы сможем перенаправить? — спросил второй.

— Если задействовать монастырские караваны — все семь тысяч. Они не облагаются пошлиной. Церковь освобождена от налогов. Указ Светлого Кагана.

— А купцы? — поинтересовался третий монах.

— Купцы будут вынуждены продавать через нас. Мы сделаем так, что их караваны не дойдут до границы. Разбойники. Или задержки на таможне. Или просто слухи, что дорога опасна. Когда они потеряют два-три каравана, они придут к нам сами. Мы купим их шёлк за полцены. И повезём как церковный груз, — первый монах щёлкнул пальцами, показывая, что дело плёвое.

— А на той стороне, в Багдаде? — спросил второй.

— Там нас уже ждут. Брат Мар Шимон держит три скла-

да у руин Ктесифона. Он продаёт шёлк напрямую аббасидским чиновникам. Без посредников и без пошлин халифа. Прибыль — сто процентов. Может, больше.

— А каган не узнает?

— Кагану сейчас не до того, ведь его новорождённый сын умер почти сразу, — заметил третий монах. — По всей стране велено объявить траур.

«Сын кагана умер при рождении? Бедная Тайхэ!» — сердце Вахуша сжалось, но он продолжил слушать.

— А согдианские купцы? Они же поймут, что их грабят.

— Согдийцы — торгаши, и они торгуются. Мы предложим им долю — ровно столько, чтобы они не бунтовали. Они будут ворчать, но согласятся. Они всегда соглашаются.

— А если кто-то не согласится?

— Тогда его товар просто не покинет Согдиану, — сильно понизив голос, отметил первый монах.

После троица свернула свои свитки и улеглась спать неподалёку от решёток камина.

Вахуш замер под своим одеялом, в его голове крутились цифры. Семь тысяч тюков шёлка в год. Полная монополия на транзит. Церковь, освобождённая от налогов, становится крупнейшим торговцем на Шёлковом Пути. А каган молится и скорбит по сыну и ничего не знает.

«Хорошее же дело они задумали! Строят торговую империю внутри империи! А каган будет оплачивать им все пошлины! Вот это да... Они решили использовать свою веру

как ширму для контрабанды. Свет Мани освещает им путь к багдадским складам. Цель этой церкви, похоже, не спасение душ, а контроль над шёлком!»

Вахуш понял, что не сможет остановить махинацию, да и впутываться в придворные интриги у него нет настроения. Но всё же у него в голове возник план как он сможет немного «оптимизировать» их поставки...

На следующий день он пришёл на работу рано утром, чтобы разобрать стол от свитков и вникнуть в происходящее. Исмаила пока не было видно, так что у Вахуша было много времени обдумать вчерашний инцидент.

Чуть позже он поймал в коридоре одного священника и спросил, не знает ли он некоего Мар Шимона. Манихей изменился в лице и спросил, зачем он понадобился Вахушу.

— Нужно уточнить некоторые финансовые вопросы, — пояснил счетовод, потрясая перед служителем Мани внушительного вида свитком с цифрами и уйгурскими письменами, рассчитывая на то, что тот не поймёт о чём идёт речь.

Манихей сглотнул и сказал:

— Х-хорошо, я позову брата Шимона... Подождите немного...

Примерно через полчаса в кабинет Вахуша зашёл высокий перс средних лет с короткими чёрными волосами и в белоснежной шёлковой рясе с серебряным поясом. У него была острая чёрная бородка и тёмные глаза, с подозрением смотревшие на согдийца.

— Вы меня звали, господин счетовод? — посмотрел на сидевшего за столом Вахуша манихей сверху вниз. — Откуда вы обо мне знаете? Кстати, мы ценим вашу с Исмаилом работу, благодаря вам все налоговые недоимки стали поступать гораздо исправнее. Даже каган удивился.

— Я нашёл ваше имя в одном из налоговых реестров... — Вахуш указал пальцем на свиток перед собой. — Вы, кажется, важный человек в делах торговли с Халифатом?

— Может быть, — с некоторым тщеславием ответил Мар Симон.

— У меня есть к вам предложение.

— Предложение?

Вахуш достал из-под стола старую карту с пометками на полях. Его палец заскользил по привычному торговому маршруту: Согдиана, Чач, Мерв, Багдад.

— Сейчас церковные караваны идут через Согдиану. Это четыре перевала, три таможни и два моста, которые нужно чинить каждый год. На каждом перевале — простой. На каждой таможне — вопросы. Даже если груз освобождён от пошлин, время теряется. А время — это деньги.

— Что ты предлагаешь? — осторожно спросил Мар Симон, оглядевшись по сторонам.

— Направьте груз напрямую через Самарканд. Там дорога ровнее, таможен меньше, и там сидит Артаксеркс, мой коллега по ордену герметистов. Он честен и не задаёт лишних вопросов. Если церковный караван пойдёт через Самарканд,

он доберётся до Багдада на две недели быстрее.

Манихей посмотрел на карту, потом на Вахуша и спросил с подозрением:

— А тебе это зачем? Ты не из наших, ты не получишь с этого ни дирхема.

— Я — счетовод, — ответил ему Вахуш со спокойствием, откинувшись на стуле. — Моя работа — следить, чтобы товары доходили до места назначения. Если церковь везёт шёлк, я хочу, чтобы он доехал быстро. Это уменьшает беспорядок в отчётах. Беспорядок в отчётах — это то, что я ненавижу больше всего.

— Ха! И всего-то? — расслабился манихей. — Хорошо, мы рассмотрим твой совет. Удачного дня!

Когда священник вышел, Вахуш свернул карту и вернул её под стол. Он знал то, чего не знал Мар Шимон. Да, маршрут через Самарканд действительно быстрее, но он проходит через контору Артаксеркса, который не просто коллега, но и друг. И этот друг ведёт двойную бухгалтерию. Если манихейские караваны пойдут через Самарканд, у Артаксеркса окажутся все записи: объёмы, маршруты, имена получателей в Багдаде. Полная картина махинаций. И однажды, когда Вахушу понадобится оружие против Церкви Света, эти записи будут стоить дороже всего шёлка на Шёлковом Пути.

— Как тебе такая оптимизация, Мар Шимон? — тихо сказал сам себе Вахуш.

Вскоре он услышал чьи-то быстрые шаги в коридоре, по-

сле чего в кабинет заглянула кудрявая голова Исмаила аль-Фахра.

— А, брат Вахуш! Я тебя везде ищу!

— А где ещё я мог бы быть? — пожал плечами согдиец.

— Неважно, ты в курсе, что ребёнок кагана умер при рождении? Да упокоят Аллах или Мани его душу...

— Да, я слышал об этом... Очень печально...

— Весь дворец погрузился в траур. Говорят, хатун Тайхэ не выходит из своей комнаты и всё время плачет. Каган стал мрачнее тучи и почти не собирает собрания и не принимает послов и гостей.

— Передай ему мои соболезнования, если увидишь...

— Обязательно. Да, кстати, тебе так-то сегодня не надо было на работу, я забыл тебе сказать.

— Ох, правда?

— Да-а, тебе положен недельный отпуск после командировки, — Исмаил упёр руки в боки и постучал носком мехового сапога по полу. — Прости, ты, наверное, замёрз, пока шёл до дворца. Зимы в Каганате очень суровые.

— Есть такое.

— Всё. Можешь идти, приходи в следующий... — Исмаил посмотрел на календарь на стене, — в следующий вторник. Сразу погрузимся в работу. Настаёт новый финансовый год. Не бойся, в ближайшие полгода командировок не должно быть.

— Я не боюсь, это было весьма познавательно, хоть и уто-

нительно, — Вахуш встал из-за стола, пожал руку брату по ордену, собрал свою сумку и пошёл домой.

По пути ему встретился Мар Анмар. Священник выглядел очень взволнованным.

— О, Вахуш из Согдианы, — священник пожал ему руку обеими руками. — Не ожидал увидеть тебя здесь. Я думал, ты будешь отдыхать.

— Я бы и отдыхал, просто не знал, что можно, — усмехнулся Вахуш.

— Да-да, кстати, я пропустил утреннюю службу, что зайти к тебе насчёт... — он понизил голос до шёпота, — насчёт того, чтобы иметь возможность присоединиться к вашему ордену.

— А, да... — в пути он многое рассказал манихею о деятельности ордена, не упомянув, конечно, самое тайное. И Мар Анмар взял с согдийца слово что Вахуш возьмёт его к себе в ученики в обмен на защиту при дворе.

Вахушу не хотелось брать себе учеников, хотя это уже и было положено по его новому рангу, но он подумал, что это может быть выгодно в плане влияния и защиты.

— Ну так что? — нетерпеливо спросил священник.

— Приходите ко мне завтра... Нет, лучше послезавтра. Я отдохну, и мы пойдём искать ингредиенты для зелий на местном рынке.

— А я научу тебя манихейскому письму(4) и как его читать, — кивнул Мар Анмар. — Как и договаривались.

Они пожали друг другу руки и разошлись.

1. Давайте, наконец, обсудим дело.

2. Фусха — литературный стандартный вариант арабского языка, который практически не использовался в быту, дома или общении с друзьями, как и сегодня. Разговорные диалекты, в свою очередь, назывались «аль-аммия».

3. Ты уверен, что чужаки не поймут нас?

4. Манихейское письмо — алфавит, созданный специально для религии манихейства. Его придумал сам пророк Мани (III век н.э.), чтобы записывать свои учения. В Уйгурском Каганате его использовали наравне с местными системами, но строго для религиозных текстов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.